

Елена Говор, историк и писатель из Канберры, занимается изучением русских в Австралии, начиная с ранних дней истории страны и кончая сегодняшним временем. Мы продолжаем публикацию перевода глав из книги Елены Говор 'My Dark Brother'. (Начало №9, 10, 11, 12, 13, 14)

ЕЛЕНА ГОВОР

Мой ТЕМНОКОЖИЙ БРАТ

Письмо Николая Ильина, которое звучало в предыдущей главе, было одним из немногих, сохранившихся от его обширной переписки с Россией в те годы. А история его появления была такова. После того как его первое короткое сообщение «Русские в Австралии» было напечатано в газете «Новое время» в 1912 году, он начал получать «из разных концов России множество писем от лиц различных сословий и профессий» с многочисленными вопросами об Австралии.¹ Расчистка их участка джунглей занимала у Николая все время и для индивидуальной переписки оставалось все меньше возможностей. Он задумал написать коллективный ответ всем своим корреспондентам, рассказав и о первых впечатлениях об Австралии, и о создании фермы, и об общих условиях жизни в новой стране. Работа увлекла его и «Письма из Австралии» постепенно переросли в целую брошюру. Вскоре он отправил свои наблюдения и размышления в Россию, Владимиру Короленко (1853-1921), писателю, публицисту, общественному деятелю, которого Бунин назвал «живой совестью русского народа». Короленко симпатизировал Ильину и по его просьбе отнес «Письма» в «Новое время» — в ту самую газету, где была напечатана первая заметка Ильина 1912 года. Редактор газеты колебался, печатать ли этот материал, т.к. он был очень объемистым, но Короленко настоял на издании писем без редактирования, прямо по рукописи. Таким образом, 16 августа 1913 г. первое письмо и появилось в

газете с обещанием «Продолжение следует». Но продолжения не последовало, т. к. вчитавшись в продолжение писем, редактор обнаружил, что дальше они не могут печататься без цензурных и редакционных купюр, поскольку Ильин проповедовал «социализм, причем анархически-беспочвенный»; его просили писать покороче и посодержательнее, «главным образом о фактах».²

«Новое время», одна из крупнейших русских газет, некогда считавшаяся либеральной, к 1913 г. перешла на консервативные, крайне правые позиции, и Ильин и сам чувствовал все большую неприязнь к ее редакции. Отвечая Короленко, Ильин извинялся, что невольно подвел его, но в свое оправдание писал: «Здесь нет ни голодных, ни нищих. Можно ли винить серьезно меня за то, что я не ограничиваюсь сообщениями фактов, а углубился (весьма незначительно) в причинность». Если сама жизнь отдает социализмом, доказывал Ильин, то не исказить же ее, и советовал редакции «Нового времени»

Редакция газеты
«Новое время».



¹ Н.Д. Ильин, Письмо из Австралии, РГАЛИ, ф. 1666, оп. 1, д. 1466.

² В. Короленко — Н. Д. Ильину, 29 августа 1913 г., РГАЛИ, ф. 1666, оп. 1, д. 384.

пенять не на его убеждения, а на то, что действительные факты противоречат ее программе.³

Продолжения писем Ильина в «Новом времени» так и не появилось, и он, разорвав отношения с этой газетой, направил очередное письмо-статью в газету «Речь», центральный орган кадетской партии. Эта газета пользовалась популярностью в кругах либеральной интеллигенции и Ильины выписывали ее даже живя в Австралии. Это письмо, по всей видимости, также осталось неопубликованным, но, к счастью, оно сохранилось в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве.⁴

В совокупности все эти письма Ильина стали частью дискуссии об Австралии, развернувшейся на страницах русской печати. Уже с конца 1890-х годов Австралия привлекла мировое внимание как страна передовых общественно-экономических реформ. В либерально-демократической публицистике России она получила название «Счастливая Австралия» и рай для рабочих. Теперь русские эмигранты, оказавшиеся здесь, могли на собственном опыте проверить правомочность таких стереотипов.⁵ Некоторые из них, и особенно интеллигенты, приезжали в Австралию с «иллюзией», как писал Ильин, что «триумф демократии в ней полный, и что капитала тут или нет совсем, или он связан по рукам и ногам торжествующим противником». Вскоре после приезда наступало разочарование, т. к. оказывалось, что в Австралии те же социальные партии и те же формы борьбы, что и в Европе.⁶

Ильины не теряли оптимизма, стараясь заглянуть в корень австралийского социального устройства. Леандро был убежден, что австралийцы установили у себя «лучшие законы и свободу», что «платформа лейбористской партии позволяет им идти во главе всех наций» и они по праву гордятся своим лейбористским правительством, и что австралийский парламент «самый свободный в мире».⁷ Николай признавал, что хотя Австралия и является демократической страной, в ней есть два социальных класса и классовая борьба; но, доказывая он, русские идеалисты, разочаровавшись от такого открытия, не хотят замечать, что в Австралии классовая борьба ведется при неизмеримо более благоприятных условиях. Еще в 1912 году он писал: «Скоро уже два года, как мы устроились здесь на положении колонистов, обосновавшихся на почве труда, а не капитала. ... Край только возрождается к жизни, которая строится на началах, не имеющих ничего общего не только с нашими исконно-русскими, но во многом разнящихся и от заграничных, европейских и американских».⁸ Под «началами» Николай, очевидно, имел в виду

прогрессивное социально-экономическое законодательство и демократию.

Ильины, в отличие от многих русских эмигрантов, с энтузиазмом относились к австралийской жизни, несмотря на то, что на первых порах им самим пришлось пройти через большие трудности, осваивая свои участки в джунглях. Напротив, этот новый опыт подкреплял представление Николая об Австралии как об обществе всеобщего благосостояния: «Когда по обстоятельствам я вошел в самую жизнь, в толщу населения, то убедился, что нищеты здесь нет совершенно, а то, что здесь по имущественной группировке — бедность, то по нашей социальной мерке представляет собою завидный достаток. Так, например, семья рабочего, у которого в сберегательной кассе сто фунтов, по здешнему — бедняки, а достаточным считается имеющий свыше тысячи фунтов». «Жизнь здесь, по заработкам, не дорога. ... Рабочий здесь вообще живет при удобствах русского интеллигента среднего достатка». В качестве доказательства он приводил в пример заработки своих сыновей, зарабатывавших 12 шиллингов в день, в то время как комната со столом стоила 20 шиллингов в неделю.⁹

В первые годы, когда их земельные участки еще не приносили прибыли, дети Николая — Леандро, Ромелио и Ариадна — вынуждены были отправляться на заработки, особенно во время влажного сезона, когда на расчистке участков работы приостанавливались. В 1937 г., вспоминая об этих годах, Леандро писал: «Когда я высадился здесь в 1910 г., можно было бросить одну работу и в тот же день, в двух шагах, найти другую. Жизнь была дешевой и золото так и текло ко всем в карманы». Но его непосредственные впечатления от наемной работы были отнюдь не столь радужными. В дневнике 1912 года он писал, что первую Пасху в Австралии он провел «работая в ночную смену на горном перевале у Кэрнса, в туннеле № 10, расчищая оползень, который завалил его после дождя».

³ Н. Ильин — В. Короленко, ок. октября 1913 г., РГАЛИ, ф. 1666, оп. 1, д. 384.

⁴ Н. Ильин — в газету «Речь», 1 ноября 1913 г., РГАЛИ, ф. 1666, оп. 1, д. 384. Я благодарна Ольге Артемовой за копии материалов из РГАЛИ.

⁵ E. Govor, *Australia in the Russian Mirror, Changing Perceptions 1770–1919*, Melbourne, Melbourne University Press, 1997, pp. 166–87.

⁶ Ильин, Письмо из Австралии.

⁷ L. Illin, 'Report of the Northern Territory' [1912], NAA (ACT): A3/1, NT1913/1156, part 3, p. 24; 'Return of the Russian Delegates. An interesting interview', *Cairns Post*, 14 May 1912, p. 8.

⁸ Н. Ил[ьин], Русские в Австралии. — Новое время, 30 июля 1912, с. 2.

⁹ Н. Ильин, Письма из Австралии. — Новое время, 14 августа 1913, с. 4; Ил[ьин], Русские в Австралии.

А несколькими страницами ниже, жалуясь, что чиновник, тормозя его путешествие по Северной территории, изо дня в день предлагал ему «отдохнуть» (к этому путешествию мы еще вернемся), Леандро в сердцах прибавил: «Хотел бы я, чтобы он был моим боссом, когда я работал киркой и лопатой».¹⁰

Работа «киркой и лопатой», чернорабочими на постройке железных дорог, была одним из главных занятий, которые доставались на долю русских иммигрантов в те годы. Другие работали в шахтах и на рубке сахарного тростника. Они часто критиковали австралийскую «потогонную систему» и уровень техники безопасности, особенно в горнорудной промышленности. Леандро сам работал некоторое время на шахтах в Чиллаго (на западе от плато Атертон) и в Кобаре (Новый Южный Уэльс) и едва уцелел при взрыве на одной из шахт.

Да, это была тяжелая физическая работа. И оправдание ее необходимости стало одним из главных пунктов письма Николая, написанного для газеты «Речь». Можно ли «хорошо устроиться» в Австралии — именно об этом спрашивали его русские интеллигенты. Чтобы дать ответ на этот вопрос, Николай обратился к различиям в положении между интеллигенцией в России и в Австралии. Русские интеллигенты — «лица, приезжающие с идеями, но без мозолей на руках» — в России находились в привилегированном положении: работая по большей части в государственной системе они, «устроившись», получали высокие зарплаты. В Австралии, как открылось Николаю, «те задачи, которые у нас в России преследовал и преследует интеллигент, ... отчасти давно разрешены, а отчасти, хотя и ждут своего разрешения, но в совсем других обстановке и условиях». Зарплаты австралийских чиновников и служащих были, по сравнению с Россией, «ничтожны», а «спрос со стороны правительства на служащих ограничен на наш взгляд до невероятности», писал Николай. «Например, в окружном городе Атертоне всего два полицейских чина». Зарботки рабочих в Австралии часто не уступали жалованию служащих. Необычным для русского глаза была и рационализация и интенсификация труда служащих. «Начальник железнодорожной станции заведует и телеграфом, и почтовой корреспонденцией, и сберегательной кассой, он же сцепляет вагоны, управляет маневрами, выдает грузы». Надо ли говорить, что в России каждую из этих задач выполнял отдельный работник, и начальник станции не унился бы до сцепки вагонов.

Николай понимал, что поразительно высокий уровень благосостояния австралийского

QUEENSLAND.

STATUTORY DECLARATION.

Referred to in Paragraph 6 of annexed application.

1. Name in full. I, Nicolas Ilin do

solemnly and sincerely declare that—

1. My name is Nicolas Ilin

2. My age is 59 years, and I was born on the 12th day of December in the year 1858, at Il'inka

2. Name of city, town, or locality.

3. County, state, department, province, or as the case may be in the Province in the country of Saratoff.

3. My occupation is that of Farmer (in Russia Doctor of Law)

4. Full address. 4. My place of residence is Gadgana, via Belahmond in the State of Queensland

Заявление Николая Ильина на натурализацию

общества своим краеугольным камнем имел тяжелую физическую работу, подлинный труд, который русские интеллигенты из поколения в поколение превозносили, но до которого редко снисходили на практике. «Для лиц той категории, которых мы определяем термином интеллигенции, в Австралии найти поле деятельности невозможно, если только они не отрешатся искренно, без всякой задней мысли, от своего преимущественно интеллектуального положения и не захотят стать зауряд работниками». Вывод его был однозначный — «На общий вопрос: можно ли устроиться в Австралии, существует один правильный ответ: с энергиею и мозолями — да».¹¹

Это было практическое воплощение постулата, с которого Николай начинал свое письмо: «Австралия страна демократического строя». В дополнение к наиболее зримым проявлениям этой демократичности — стиль одежды и обращение «верхов» с рабочим классом как с равными, на что Николай обратил внимание сразу по прибытии — он скоро сделал новые «открытия»: «Характерной чертой демократичности края служит то, что в Австралии всего лишь один сорт муки и хлеба как для бедняка, так и для миллионера, и никакого высшего сорта нет в продаже». А одним из первых его наблюдений в гостинице Толги — городка, где они прожили несколько недель, ожидая пока Леандро и Ромелио поставили их первое жилье на рассчитанном участке, — было то, что «за одним столом обедает управляющий железной дороги и чернорабочий, ее ремонтирующий», причем ни в еде, ни в номере, который они занимают, нет никакой разницы.¹²

¹⁰ L. Ilin, 'Correspondence', Herbert River Express (HRE), 13 February 1937, p. 4; Ilin, 'Report of the Northern Territory', pp. 56, 60.

¹¹ Ильин, Письмо из Австралии.

Первый раз вера Николая в демократические основы австралийского строя подверглась испытанию в 1913 году в связи с оформлением его натурализации. 10 октября 1912 года, когда Леандро был в Сиднее, Николай и Ромелио отправились в Атертон и подали заявления на натурализацию. В графе «Род занятий» Николай написал: «фермер (в России доктор права)». Перед полицейским судьей Патриком Мортимером Хишоном они присягнули на верность Британской империи. Положив руку на Библию, они повторяли торжественные слова: «Я клянусь быть верным Его Величеству королю Георгу V, его наследникам и законным правопреемникам. Да поможет мне Господь!»

Документы были отправлены в Министерство иностранных дел Австралийского Союза, находившееся в то время в Мельбурне. Оттуда, согласно заведенному порядку, был послан запрос в офис главного секретаря штата Квинсленд для получения данных, подтверждающих сведения о заявителях, что и выполнил местный полицейский, посетивший Ильиных. 14 декабря 1912 г. офис главного секретаря сообщал МИДУ о Николае: «Все документы, связанные с рождением заявителя, были утеряны во время его пребывания в Аргентине». В январе 1913 г. Ромелио получил свидетельство о натурализации. Николай же, подавший документы одновременно с сыном, не получил ничего. Он тут же послал заявление в МИД, написанное по-французски и по-русски.

«Австралийский Союз,
Министерство иностранных дел,
Мельбурн

Мой сын вчера получил документ английской натурализации. Я — нет.

Около двух месяцев тому назад местный полицейский чиновник явился ко мне, говоря, что ему поручено собрать всевозможные справки относительно меня и моего сына Ромелия. Вследствие этого, мы передали ему три документа: два серти-

фиката, данные каждому из нас аргентинской полицией, и один сертификат моей натурализации аргентинцем.

На прошлой неделе упомянутый г-н чиновник встретил меня на станции железной дороги в Толга и возвратил мне мой (при сем прилагаемый) сертификат. Я его спросил, почему, когда ему поручено собрать обо мне все сведения, он устранил самое серьезное и наиболее свидетельствующее в мою пользу? Он не мог отрицать, что оно очень важно, потому что такое же, принадлежащее моему сыну, одинаковое с моим, он послал в Мельбурн. Г. чиновник не пожелал дать мне никакого объяснения о том, почему он так поступил.

Я приехал в Австралию потому, что до Кордильер доходили отзвуки хорошей репутации, справедливости австралийских властей. И вот, упомянутый г-н чиновник обращается со мною с очевидной по меньшей мере небрежностью. Я представляю документы, которые не оставляют никакого сомнения ни о моей личности, ни о моем хорошем поведении. Здесь, со времени моего приезда в этот край, я провожу жизнь на моей ферме, в постоянной работе. Что должен я представить еще для того, чтобы иметь право натурализоваться в этой стране? Если нехватает чего-нибудь, или если я представил меньше, чем другие, то почтительнейше прошу меня уведомить. Полагаю, что я представил больше других.

Уже два с половиной года я нахожусь на своем участке (selection 31, Gadgarra). Я поместил в его улучшение весь мой капитал — 1500 ф. стерл. и работу двух с половиною лет мою и моей семьи. Если, к истечению 3-х лет, я не буду английским подданным, я теряю все. Я знаю, что занять мой участок, в настоящем его виде, желающих найдется много, но будет ли справедливо разорить пожилого семейного человека по причине чистой небрежности полицейского агента?

Почтительнейше ожидаю ответа.

Николай Ильин

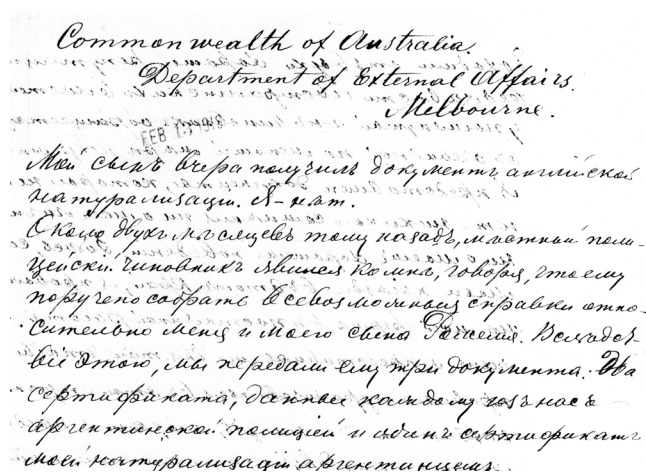
Гадгарра

23 января 1913 г.»¹²

Весь Николай был в этом письме. Прежде всего, вместо того, чтобы написать его по-английски, — на языке, которого он не знал в совершенстве, — он предпочел перевести свое русское письмо на прекрасный французский, как бы говоря чиновникам: «Хотя я и не знаю английского, я — европейский интеллигент, такой же как

¹² Ильин, Письма из Австралии.

¹³ Nicholas Illin — Naturalisation certificate, NAA (ACT), A1, 1913/2427; Illin, Romelio — Naturalisation file, NAA (ACT), A435, A46/4/592.



вы». Кстати, подобным же образом он поступил вскоре после получения земельного участка, когда он и его сыновья должны были выдержать унижительный «тест на грамотность», свидетельствующий о том, что они могут писать и читать. Тест этот проводился земельным департаментом. Во время теста Николай написал по-французски легким летящим почерком: «Я могу говорить и писать в достаточной мере по-французски, по-испански, по-русски, по-польски, по-немецки, и на латыни».¹⁴ Что это было — послание нам, в будущее, похороненное на девяносто лет в австралийском архиве, или крик души, отстаивающей свое достоинство?

Письмо Николая свидетельствует и о глубоком отвращении, свойственном русским интеллигентам-демократам, по отношению к полиции и ее «агентам». Даже слова «г-н чиновник» наполнены в этом письме чувством отвращения. И, наконец, заявление рисует импульсивную натуру Николая, которой свойственно было преувеличивать, а затем пребывать в плену своих собственных фантазий. Возможно «полицейский агент» вернул Николаю один из его «сертификатов», сочтя что для отсылки в Мельбурн будет достаточно и одного (тем более, что написаны они были по-испански). Возможно, что оформление свидетельства о натурализации для Николая задержалось на несколько недель из-за Рождественских праздников. В любом случае волноваться Николаю было рано, поскольку оставалось еще восемь месяцев до даты, когда его права на землю могли бы быть ущемлены, не будь он натурализован к тому моменту. И уж меньше всего австралийские власти, которые так дорожили в то время каждым иммигрантом, хотели «разорить пожилого семейного человека по причине чистой небрежности полицейского агента», лишив его земли, выданной ему на льготных основаниях теми же властями.

Когда, несколько месяцев спустя, утверждение натурализации Леандро тоже задержалось (он подал его 25 июня 1913 г., когда до истечения трех

лет оставалось всего три месяца), он написал заявление министру иностранных дел совсем в другом стиле, понимая, что для того, чтобы чиновники в Мельбурне ускорили обработку его заявления, нужно привести убедительную причину.

«27–10–13

Пирамон

Северный Квинсленд через Кэрнс

Достопочтенному

Министру иностранных дел

Мельбурн

Уважаемый сэр,

Уже довольно давно я подал заявление на натурализацию и принял присягу на верность Его Величеству

Заявление на натурализацию
Леандро Ильина

FORM A.

COMMONWEALTH OF AUSTRALIA

NATURALIZATION ACT 1903.

APPLICATION FOR CERTIFICATE OF NATURALIZATION.

TO HIS EXCELLENCY THE GOVERNOR-GENERAL.

1. Name in full. I. Leandro Illin

2. Address and occupation. Gadgarra, Papunya, N.T.

hereby apply for a Certificate of Naturalization under the Naturalization Act 1903.

3. State "German subject" or "French citizen," etc., as case requires. Russian subject

4. Country of previous residence. U.S.S. Break

5. Name of ship. Brisbane

6. State places and periods in each. Brisbane, one month, Atherton District one year and balance of time Carpio, Chicaque & Gadgarra and two months in Port Darwin N.T.

7. State whether married or unmarried, and residence of wife. unmarried

8. State number of each sex, and where resident. no children

9. I am not a naturalized subject or citizen of any other country.

10. I forward herewith a Statutory Declaration, setting forth the particulars required by Section 6, Sub-section (1), paragraph (a) of the said Act.

11. I forward also a certificate signed by Alfred Edwin Winterford a Justice of the Peace to the effect that I am known to him, and am person of good repute.

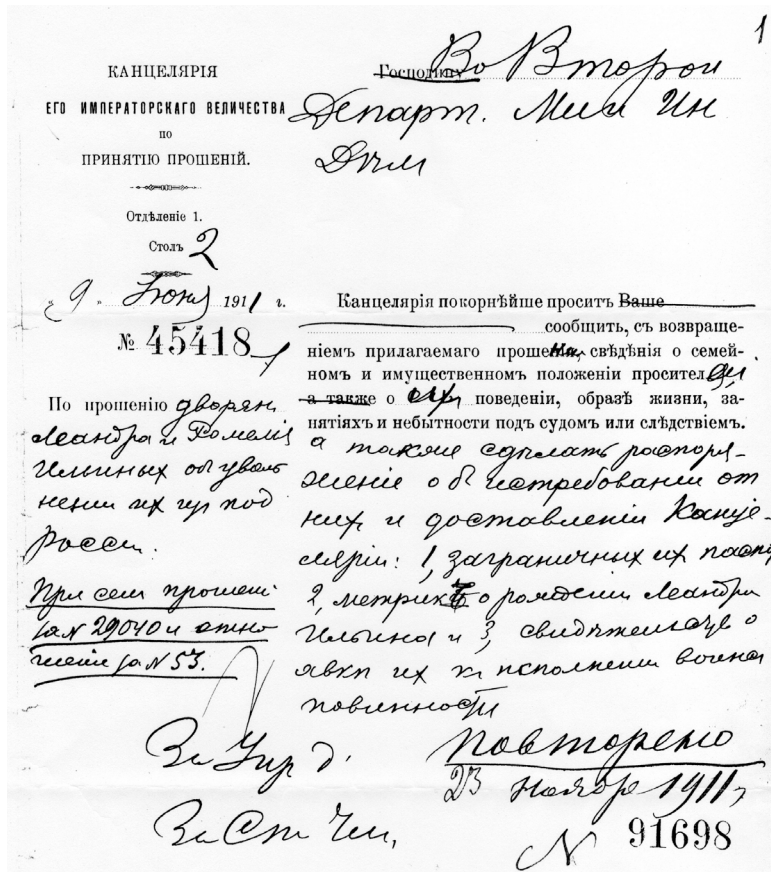
12. Signature of applicant. Leandro Illin

Dated at Atherton the 25th June 1913.

C 5529.

PREPARE EXEC. FOR MINUTE

¹⁴ Queensland State Archives: LAN/DF 89, Atherton 1545.



Переписка МИД
по «прошению
дворян Леандра и
Ромелия Ильиных
об увольнении их из
подданства России».

Королю. Я жду получения натурализации, т.к. она мне очень нужна. Я фермер из района Атертон, где у меня есть участок земли, полученный под устройство фермы.

Согласно закону, я должен стать британским подданным не позднее трех лет с момента получения земельного участка, т.к. иначе я потеряю свои права на него. Вы видите, что из-за задержки с натурализацией я могу попасть в очень сложное положение. Это связано и с дополнительными финансовыми трудностями, т.к. я занимаюсь освоением участка [австралийские власти особенно ценили, когда колонисты не просто брали землю, а занимались ее улучшением, так что Леандро знал на какие струны нажимать — Е. Г.], но не имею права получить заем в Сельскохозяйственной банке. ... Итак, Вы, вероятно, видите, что я беспокою Вас не без оснований. Я надеюсь, что Вы окажете моему заявлению первоочередное и благосклонное внимание.

Благодарю Вас и в ожидании Вашего ответа остаюсь Вашим покорной слугой

Леандро Ильин»¹⁵

Несмотря на эти проблемы, ни Николай, ни Леандро не винили систему в целом, как часто это делали другие русские иммигранты. Ильины видели недостатки только в лице отдельного бюрократа или «полицейского агента», но верили в справедливость властей более высокого ранга.

Они все получили натурализацию в 1913 г.: Ромелио в январе, Николай в марте и Леандро в октябре. Александра получила британское подданство автоматически, как жена Николая, а Ариадна стала британской подданной, выйдя замуж за Харри Дейла в июле 1912 г. Годы спустя Леандро напишет о натурализации: «Я натурализовался в 1913 г. и по букве и по духу. ... Я принял присягу верности и был признан достойным стать британским подданным, и этим фактом я горжусь».¹⁶ Он, действительно, сделал много для страны, чьим гражданином он стал. Еще в 1911 г., до подачи заявлений на австралийскую натурализацию, Ромелио и Леандро послали прошение в Россию, на имя царя, о лишении их российского гражданства. Они могли получить британское подданство и без этого шага, но для Ильиных получение австралийского гражданства было отнюдь не только прагматическим актом. Отныне они хотели быть свободными от своих обязательств перед Россией, которая, кстати, не признавала натурализацию россиян, эмигрировавших в Австралию, и продолжала считать их своими подданными, пока они не получали специальное «увольнение из подданства России».¹⁷ Гондурасские Ильины вспоминают, что Ариадна тоже всегда гордилась своим британским паспортом. И Ромелио вспомнит о своем британском подданстве в тяжелый момент жизни, в 1943 г., но Австралия повернется к нему спиной... ■

Продолжение следует.

¹⁵ Leandro Illin — Naturalisation, NAA (ACT), A1, 1913/17541.

¹⁶ L. Illin, 'Correspondence', HRE, 17 August 1940, 23 November 1940;

¹⁷ Ильины Леандр и Ромелий... о разрешении принять иностранное подданство, РГИА, ф. 1412, оп. 9, лл. 1–2.